

В горах не было птичьего пения, лишь мертвая тишина, прерываемая звуками роста травы яо, пробивающейся сквозь землю.

Если раньше это были воспоминания старика, продававшего сладости, то теперь, вероятно, это были воспоминания растений на грани смерти.

Душа Му Цинцзя содрогнулась от острой боли, словно от несварения, очищаясь от фрагментов чужих душ.

— ...Тебе лучше? — Хо Вэй одной рукой поддерживал его за спину, а другой сжимал его губы.

Му Цинцзя пришел в себя и тихо произнес:

— Ничего страшного.

Вокруг них плотным кольцом стояли воины с топорами, среди которых были и деревянные марионетки, и обычные люди из плоти и крови. Свет фонарей падал на острые лезвия их оружия, отражая холодный, пугающий блеск.

Увидев, что Му Цинцзя поправляется, Хо Вэй собрался вытащить меч, чтобы прорваться сквозь окружение. Но вдруг длинная рука легла на его руку, держащую меч. Он поднял глаза и увидел, как Му Цинцзя медленно покачал головой.

Ученый стоял снаружи, наблюдая из-за края веера. Его черты лица были скрыты за густыми красками, и невозможно было разглядеть его внешность.

Но его взгляд был спокоен и безмятежен, без тени стыда или низости за содеянное. Если и было какое-то сомнение, то лишь из-за страха перед Мечом Темного Мотылька.

Женщина наполовину прикрывала лицо, ее фигура была хрупкой, как ива, и она, казалось, робко пряталась за спиной ученого.

— Если вы, бессмертный, заботитесь о жизни простых людей, то, должно быть, у вас доброе сердце. Я восхищаюсь вами, — медленно произнес ученый, размахивая веером. — Я тоже не из тех, кто любит убивать, и не хочу создавать вам проблем. Сегодняшний инцидент — всего лишь недоразумение.

Он с громким щелчком закрыл веер и провел его ручкой по зрителям в театре, а затем по воинам с топорами, излучающим убийственную ауру.

— Вы видите, что все существа здесь находятся под моим контролем, их бесконечное множество. А ваша духовная энергия, бессмертный, рано или поздно иссякнет.

Хо Вэй презрительно фыркнул. Ученый не понял значения этого звука, но Му Цинцзя знал, что это было выражение презрения к ограниченному человеку.

— Кроме меня, «Поминальный танец» не имеет лекарства. Если вы сейчас опустите оружие и пожалеете мне руку, все еще можно исправить, — многозначительно произнес ученый. — Ваш друг также сможет отдохнуть и получить лечение.

Его голос был мягким, но в нем сквозила серьезная угроза.

Му Цинцзя понял: этот человек так уверен в себе, потому что ошибочно полагает, что они попали под влияние магического танца, и хочет использовать это, чтобы держать его ученика

под контролем.

Таким образом, они смогут без подозрений добраться до логова ученого.

Хо Вэй даже не взглянул на ученого или на окружающие их мечи и копья. Он лишь плотно сжал губы, глядя на Му Цинцзя.

Рука, лежащая на его руке, мягко написала: [Притворись сдавшимся.]

Хо Вэй вытащил Меч Темного Мотылька и с громким звоном бросил его на землю.

— Благодарю за понимание, — ученый, казалось, вздохнул с облегчением.

Пять бумажных талисманов вылетели из его тела и приклеились к Мечу Темного Мотылька. Двое воинов с топорами подняли меч и поднесли его ученому, который завернул его в желтую бумагу и бережно положил в свои объятия.

— Гости издалека, я не успел вас встретить должным образом, — с улыбкой произнес он. — Почему бы вам не зайти в мой дворец для беседы?

Воины с топорами попытались схватить Му Цинцзя, но Хо Вэй оттолкнул их. Его взгляд был настолько свиреп, что ученый, поймав его краем глаза, почувствовал, как по его спине пробежали мурашки.

— ...Будьте вежливы, это почетные гости, — медленно произнес он, прищурившись.

Их в три слоя окружили и «проводили» во дворец градоправителя, который они видели днем, — прямо в подземелье. Кроме Браслета Умиротворения, который невозможно было снять, все их магические артефакты были конфискованы. Снаружи подземелья стояла усиленная охрана, внутри патрулировали воины с топорами, а также были установлены магические барьеры.

Поскольку госпожа градоправителя была больна, он, беспокоясь о своей любимой жене, оставил пять марионеток для наблюдения и ушел.

— Прошу прощения за плохой прием, завтра утром я обязательно сниму с вас заклятия, — вежливо произнес он. — Эти заклятия связаны с моими артефактами, и если они будут разрушены, я сразу узнаю. Пожалуйста, подумайте дважды, прежде чем действовать.

Железные прутья были встроены в стены камеры, равномерно покрытые желтыми бумажными талисманами, так что даже маленькая мышь не смогла бы выбраться, не потревожив заклятия.

Он был уверен, что они не смогут сбежать.

В темноте подземелья не было видно ни звезд, ни луны, только слабый свет свечи, и постоянно доносился шорох земляных мышей и насекомых.

Хо Вэй сидел на соломенном мате с закрытыми глазами, погруженный в медитацию, молчаливый и неподвижный. Му Цинцзя посидел некоторое время, а затем, словно от усталости и слабости, медленно опустился и прислонился к его плечу.

Их рукава соприкасались, и в тайной темноте появилась рука, легонько похлопавшая Хо Вэя по тыльной стороне ладони.

[Ты тоже чувствуешь, что что-то не так?]

Му Цинцзя привычно начал писать на руке Хо Вэя.

Тыльная сторона руки Хо Вэя напряглась, и, прочитав написанное, он перевернул ладонь Му Цинцзя и написал: [Да.]

Он писал с силой, медленно, создавая особое ощущение давления, так что Му Цинцзя мог это почувствовать.

В голове Хо Вэя возник образ монеты, отпечатанной на спине воина с топором, а Му Цинцзя думал о фрагментах воспоминаний, полных гор травы яо, и о потерянных душах — о старухе, продававшей сладости.

Позже он не видел, куда ушла ее душа, и надеялся, что с ней все в порядке.

Город Гуяо больше не был тем городом, который он когда-то посещал. Здесь не было ни демонов, ни монстров, но происходили вещи, страшнее, чем делали демоны.

Мужчина, игравший роль ученого, вероятно, был градоправителем Гуяо, а женщина — его женой или наложницей, той самой «госпожой градоправителя», о которой говорила женщина, подававшая теплое вино днем, и которая выращивала траву яо.

Но Му Цинцзя не мог понять, почему, если Поминальный танец, использующий траву яо, так вреден, и, судя по всему, это происходило не раз и не два, жители города не выражали недовольства и даже уважали градоправителя и его жену?

Более того, они считали траву яо целебной травой, способной излечить все болезни и продлить жизнь.

Если правда то, что говорила внучка старухи, продававшей сладости, что траву яо продают как целебную траву в больших количествах, и что те, кто стоит у власти, незаметно забирают души простых людей для своих целей, то Девять Областей ждет катастрофа.

Неужели это и есть предсказанная Бессмертной Лисой гибель Девяти Областей?

Поэтому они ни в коем случае не могли просто уйти.

Итак, Му Цинцзя и Хо Вэй намеренно позволили схватить себя и вернуться во дворец градоправителя, чтобы проникнуть внутрь, получить больше информации и разгадать загадку.

Теперь им нужно было набраться сил и ждать подходящего момента.

В глубокой темноте их тела соприкасались, ладони соединялись, но мысли были разными. Один погрузился в прошлое, другой беспокоился о будущем Девяти Областей.

Иногда пальцы сжимались, а затем разжимались.

Му Цинцзя постепенно заснул.

В ту ночь не было ни звезд, ни луны, только снег, освещавший окно.

Му Цинцзя спал поверхностно, его мягкие волосы спадали на плечи, подчеркивая шею, гладкую как нефрит, и медленно скользили вниз.

Вдруг чьи-то горячие руки схватили его лицо и грубо прижали к земле.

— Ши...

Му Цинцзя проснулся и первым делом потянулся к своему ученику. Но там никого не было, и по ощущениям на коже он понял, что это был либо сон, либо воспоминание.

Он в панике широко открыл глаза, но видел только тьму.

Где это? Кто этот человек?

Мужчина приблизился, его горячее дыхание обжигало щеку Му Цинцзя, он нервно целовал его брови и веки, делая ресницы влажными.

Му Цинцзя поспешно закрыл глаза, и легкий аромат османтуса исходил от воротника мужчины, ошеломляя его.

— Прекрати!..

Он изо всех сил пытался сопротивляться, но руки мужчины, словно железные тиски, сжимали его запястья, подавляя все его силы.

Горячие губы оторвались от его лица, и через мгновение они снова прижались к его губам. Му Цинцзя широко открыл глаза, а язык мужчины насильно проник сквозь его губы и зубы, яростно перемешиваясь и всасывая.

Его охватил страх быть съеденным изнутри, и он, разозлившись на такую грубость, сильно укусил мужчину за язык.

Сладковатый вкус крови мгновенно заполнил его рот. Помимо крови, на его щеку упала еще какая-то горячая жидкость.

Му Цинцзя замер.

Слезы медленно просачивались сквозь соединенные губы. Сладкий и соленый вкусы смешивались, становясь неразделимыми.

Этот вкус слез... он уже пробовал его раньше.

Его охватила печаль. Му Цинцзя знал имя мужчины, но не произнес ни слова. Он лишь обвил руками его шею, следуя за его языком.

Мужчина стал еще более жестоким. Он почти зубами кусал губы Му Цинцзя, то поглощая их, то отпуская.

Мягкие губы стали красными и опухшими, покрытыми следами зубов, и влажно дрожали на воздухе.

Мужчина снова нежно взял в рот измученные губы, лаская их языком, задерживаясь на следах зубов, не желая уходить.

Грубый и нежный поцелуй.

Пылкий и влажный поцелуй.

Му Цинцзя мягко вытер слезы с лица мужчины и беззвучно улыбнулся.

<http://bllate.org/book/16250/1461461>